
Может ли рента быть универсальным явлением?

Рецензия на книгу: Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. (2019) Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии. М.: ВШЭ.

Р.Р. ВАХИТОВ*

***Рустем Ринатович Вахитов** – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий; кафедра философии, истории и социального инжиниринга, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия, Rust_R_Vahitov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9161-0899>

Цитирование: Вахитов Р.Р. (2023) Может ли рента стать универсальным явлением? // Мир России. Т. 32. № 1. С. 182–188. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-182-188

Аннотация

В статье рецензируется новая монография Л.Г. Фишмана, В.С. Мартьянова, Д.А. Давыдова «Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии». В этой работе исследуется сословно-рентное общество с использованием концепций О.Э. Бессоновой (экономика раздатка) и С.Г. Кордонского (теории ресурсного государства и сословного общества). Однако, в отличие от этих ученых, авторы монографии считают, что сословная рента, сословия и раздаток существуют и в обществе капитализма. Авторы, помимо этого, отрицают правомерность применения метафор рыночного и либерального общества. Они описывают ренты раннего и позднего капитализма, указывают на победу рентоориентированного общества в наши дни (и в метрополии мирового капитализма, и на его полупериферии (Россия)). В рецензии эта позиция тотального расширения феномена ренты подвергается критике и отстаивается эвристичность противопоставления моделей рыночного и раздаточного обществ.

Ключевые слова: *рентное общество, рынок, классы, демократия, труд, капитализм, общество труда, рентно-сословное общество, сословия, рента, политэкономика*

Коллективная монография, о которой пойдет речь в этой рецензии, вышла в свет три года назад и уже вызвала широкий интерес и заслужила высокие оценки. Сначала, в 2022 г., ее авторы – Л.Г. Фишман, В.С. Мартьянов и Д.А. Давыдов – получи-

Статья поступила в редакцию в октябре 2022 г.

ли за нее премию имени академика РАН А.И. Татаркина в номинации «За лучшую работу в области политэкономии». Затем, в том же году, эта книга вошла в шорт-лист Ежегодной социологической книжной премии им. Б.А. Грушина в номинации «Лучшая теоретическая работа».

Нисколько не умаляя высоких достоинств монографии, которая, безусловно, является событием в российской современной политэкономии, следует заметить, что немалой долей своего успеха она обязана популярности выбранной авторами темы. Феномен рентной экономики и связанной с ней своеобразности сословности привлек внимание российских ученых еще на рубеже 1990–2000-х. Здесь необходимо вспомнить концепции раздаточной экономики России О.Э. Бессоновой [Бессонова 2006] и ресурсного государства и сословий постсоветской России С.Г. Кордонского [Кордонский 2008], которые вызвали большой общественный резонанс в 2000-х гг. Именно в них был разработан взгляд на современное российское общество (да и на предыдущие его стадии развития) как на рентное и своеобразное сословное (в специфичном значении слова, отличающемся от того, которое используют историки). Собственно, многие основные идеи рецензируемой монографии и были выдвинуты О.Э. Бессоновой и С.Г. Кордонским. Так, понятие сословной ренты является одним из центральных в социологической теории С.Г. Кордонского. Согласно этой теории, при государственной раздаче ресурсов по социальным группам эти группы превращаются в своеобразные ненаследственные сословия, члены которых обеспечивают свое существование за счет полагающейся им доли госресурса (жалования) и ренты, получаемой с низших, подчиненных сословий (сословная рента). В работе Л.Г. Фишмана, В.С. Мартьянова и Д.А. Давыдова, конечно, есть ссылки на О.Э. Бессонову, С.Г. Кордонского и представителей Новосибирской экономико-социологической школы, однако подробного обзора их взглядов хотя бы в виде отдельного параграфа, увы, нет. Четырех страниц в Главе III [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019, с. 208–211], где описывается отличие манифестируемой демократической модели России от того, что С.Г. Кордонский назвал «на самом деле», явно недостаточно. Концепция О.Э. Бессоновой вообще обрисовывается в двух словах, подкрепленных небольшой цитатой [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019, с. 215]. Вряд ли это приемлемо, тем более что авторы не только критикуют взгляды О.Э. Бессоновой и С.Г. Кордонского: в своем исследовании они используют понятийный аппарат теорий раздаточной экономики О.Э. Бессоновой и сословий ресурсного государства С.Г. Кордонского («ресурс», «раздаток», «сословия», «сословная рента», «сословное государство»).

Теперь об отличиях воззрений авторов монографии от названных концепций, что, собственно, и составляет главный элемент научной новизны монографии. И О.Э. Бессонова, и С.Г. Кордонский, признавая, что раздаток и ресурсные сословия есть и в современном западном обществе, все же четко «разводят» модель идеального капиталистически-рыночного общества, где сведена к минимуму ресурсная раздача и вместо сословий имеются экономические классы, и идеальную модель ресурсно-раздаточного сословного общества. Л.Г. Фишман, В.С. Мартьянов и Д.А. Давыдов занимают иную позицию. Они считают, что сам капитализм изначально представляет собой своеобразное ресурсное хозяйство, основанное на ренте. «Рыночные механизмы успешно используют для экспансии и привлечения дополнительных средств текущее рентное распределение», – пишут они [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019, с. 215–216]. Фактически они

отрицают само существование рыночного общества, пусть даже как идеальной модели: «помещение метафоры рынка в основание классификации неких новых обществ (открытых, либеральных, демократических, рыночных и т. д.) представляется неоправданной методологической и идеологической натяжкой» [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019, с. 216]. Понятие «рента» у них, таким образом, сильно расширено, превращается в универсальное, всеохватывающее понятие, равно как и понятие «рентное общество». В связи с этим для описания реальных обществ, по их мнению, нужно переходить от методов экономики к методам политэкономии. Обрисуем их позицию подробнее.

Под рентой авторы монографии понимают «материальные и иные блага, которые получают индивиды, социальные группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре» [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019, с. 25]. Выгодность позиции может быть в том, что она позволяет превращать другие позиции, материальные объекты, знания, а также труд, а в ряде случаев и самих людей в ресурсы, из которых можно извлекать богатство. Классический пример – феодал, который по праву рождения – владелец земли, и он сдает ее в аренду крестьянам и получает материальные и иные блага.

Обычно рентные отношения приписывают докапиталистическим и некапиталистическим обществам, а общество капитализма рассматривается как общество, где богатства порождают преимущественно труд и капитал, а рента здесь маргинальна и живут на нее в основном представители паразитических социальных групп. Но авторы монографии считают, как уже отмечалось, что «погоня за рентой» – «универсальное явление, пронизывающее всю человеческую историю» [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019, с. 25], правящие классы всегда взимают социальную и экономическую ренту с низестоящих. Таким образом, и капитализм – якобы тоже рентное общество.

Сама частная собственность на средства производства, по их мнению, делает капиталиста обладателем ренты, он отдает эти средства (станки, машины и т. д.) в аренду пролетариату и извлекает отсюда богатства: «реальный капитализм представляется вовсе не утопией свободного рынка. <...> Он обозначает такую форму общества, при которой один социальный класс, капиталисты, контролируют экономику и формы социальной организации» [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019, с. 41]. С другой стороны, капитализм приносит «религию труда», внушает массам, что нужно трудиться, труд – благородное занятие (тогда как раньше он воспринимался как проклятие). Таким образом капиталист получает трудовые ресурсы [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019, с. 33]. Так, по мнению авторов, обстоит дело на ранних стадиях развития капитализма. Когда же капитализм превращается в империализм, каждый житель метрополии капиталистической мир-системы становится рантье по отношению к эксплуатируемым массам периферии: «превратившиеся в работников сервиса трудящиеся Запада живут на долю империалистической ренты с эксплуатации 3–4 миллиардов людей труда развивающихся стран» [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019, с. 66]. Рентный характер позднего капитализма состоит в том, что здесь возникают целые социальные слои, которые живут на государственную ренту (пенсии, социальные пособия). Само получение работы становится привилегией, которая доступна не всем, в связи с этим авторы говорят о «закате общества труда» (параграф 1, Глава IV). Гражданство, предоставляющее множество привилегий по праву рождения, – тоже преимущество,

дарующее политическую ренту. Авторы отстаивают тезис о том, что наступил «конец капитализма», и современное общество в некоторых чертах (рентный характер хозяйства, своеобразная сословность) больше напоминает докапиталистическое, средневековое. Они пишут, что в эпоху позднего капитализма «автоматизированное производство без рабочих и знание становятся источником ренты новых капиталистов, функционально соизмеримым с базовой ролью земельной ренты в учении физиократов» [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019, с. 71].

Один из рецензентов монографии, Дмитрий Буянов, уже подверг критике эту популярную в определенных кругах концепцию «постиндустриального средневековья». Он справедливо замечает, что «из перемещения промышленности в Азию странно выводить ликвидацию производительного труда как такового, <...> тем более что реальный процесс не столь однонаправленный, и все большее число стран “центра” сегодня озабочено реиндустриализацией» [Буянов 2020]. Буянов заключает: «Материальный продукт все еще остается “базой”, не позволяющей остальной экономике уйти в отрыв и совсем уж произвольно жонглировать деньгами» [Буянов 2020].

Думается, так оно и есть. Капиталистическая экономика стала всемирной, страны Азии (прежде всего Китай, Индия, Индонезия) выполняют роль «мастерской мира», работники коллективного Запада вовлечены в сферу услуг, в наукоемкую экономику. Но от этого капитализм не превратился в феодализм. Конечно, авторы монографии правы в отношении империалистической ренты, объясняющей разницу в уровне благосостояния работника в Швеции и рабочего в Конго, но об этом писал еще 100 лет назад В.И. Ленин в своей работе об империализме. Кстати, В.И. Ленин там отмечал и рост значения финансового капитала при позднем капитализме, и возникновение класса финансовых ратье и все же вывода о «возвращении в средневековье» не делал.

Полагаем, все же неправильно трактовать и поздний, и тем более ранний капитализм как своеобразное «рентное общество». Отношения капиталиста – владельца средств производства – и наемного рабочего в корне отличны от отношений феодала и крестьянина-арендатора его земли и тем более чиновника и работника в обществе азиатского способа производства. Главное отличие состоит в том, что капиталист и рабочий заключают рыночный договор, поскольку они обмениваются товарами: перед нами операция двух собственников, агентов рынка. Это только в плохих советских учебниках пролетарий изображался как голодранец, лишенный всего (и потому, когда бывшие преподаватели научного коммунизма переквалифицировались в либералов, они стали обзывать марксизм «идеологией голодранцев»). У самого К. Маркса пролетарий, как и буржуа, – частный собственник, его собственность – его рабочая сила, которую он продает капиталисту на максимально выгодных для себя условиях. Важно помнить также, что рыночная сделка предлагает добровольность (рабочий может отправиться к другому капиталисту продать свой товар) и исключает личностные отношения и прямое насилие. Это пример вещных, а не личных отношений, экономического, а не внеэкономического принуждения.

Отношения феодала и крестьянина (а также чиновника и работника – крепостного государства) – личные, основанные не на договоре, а на насилии, внеэкономическом принуждении. Собственно, рента, сословность и т. п. и возникают, по Марксу, там, где имеет место внеэкономическое принуждение, и там, где рынок не играет столь важной, решающей роли. Авторы монографии об этом, кстати, знают:

«Возникает понятие социальной ренты как присвоения труда другого» [Филиман, Мартыанов, Давыдов 2019, с. 13]. Присвоения, заметим, не покупки! Но сделать отсюда вывод, что поэтому капиталист и не есть рантье, они почему-то не могут. Безусловно, в реальном капиталистическом обществе, даже в раннем, капиталисты имели политические привилегии и извлекали из этого богатство, в этом смысле они были своеобразным остаточным сословием (особенно в эпоху имущественного ценза, плутократических республик) и даже своеобразными рантье, но самой сути капиталистических отношений это не касалось, и это ясно показывает К. Маркс.

Между прочим, об этом писали и С.Г. Кордонский с О.Э. Бессоновой. Например, по С.Г. Кордонскому, человек, взимающий сословную ренту, владеет ресурсом. Отличие ресурса от товара в том, что его нельзя купить, его можно только получить от государства (или от другой вышестоящей социальной инстанции). Капиталист же и рабочий обладают товарами (средства производства и рабочая сила). Кто же тут рентополучатель и рентодатель? То же самое и у О.Э. Бессоновой: раздаточная экономика предполагает государственную собственность и планирование экономики, тогда как экономика раннего капитализма – частнособственническая и неплановая.

В общем, совершенно обоснованно С.Г. Кордонский и О.Э. Бессонова различают общество рыночное и раздаточное. Попытка всё подвести к понятию ренты приводит к тому, что появляются ответы на все вопросы, и ничего нельзя объяснить по существу. Концепция перестает быть научной, ибо еще Карл Поппер доказал, что научная теория, в отличие от ненаучных, имеет границы своей применимости. Об этом уже писали рецензенты монографии, например С. Каспэ: «Авторы рецензируемой книги, похоже, полагают, что понятие ренты – своего рода ключ ко всем замкам, что при его помощи могут быть не только поняты все основные аспекты происхождения и актуального состояния современных обществ, но и предсказаны векторы их дальнейшей трансформации. Их концепция рентного общества <...> начинает выглядеть герметичным языком, позволяющим сформулировать внутренне непротиворечивые ответы на любые вопросы, но не допускающим существования других языков» [Каспэ 2019]. Нам остается лишь согласиться с ним.

Кстати, нельзя не отметить, что такое расширение содержания понятия «рента» обесмысливает само понятие «рентное общество», которое является центральным для монографии, встречается там практически на каждой второй странице и даже попало в заглавие. Ведь в этом случае рентным обществом будет любое общество, понятие «рентное общество» станет тождественным понятию «общество» (вспомним, что авторы сами утверждали, что «рыночное общество», «либеральное общество» – это, якобы, лишь неправомерные метафоры).

И мы не зря сетовали, что авторы не предварили подробным обзором концепций О.Э. Бессоновой и С.Г. Кордонского свою критику этих точек зрения. Дело в том, что, например, согласно концепции ресурсного государства (С.Г. Кордонский), возможность взимать ренту всё же не является главным ресурсом, который подлежит раздаче в нормальном невырожденном ресурсном государстве, в нем предметом государственной раздачи становятся прежде всего ресурсы, необходимые для служения государству.

Из сказанного не следует, что монография лишена достоинств и что она не заслуживает своих высоких оценок и наград. Напротив, это одно из самых ярких теоретических исследований в области современной российской политэкономии.

В нем много интересных идей и находок, привлечено огромное количество материала – от классиков политэкономии до работ Саида Амира. Но автору этих строк показалось, что в книге не всегда хватает научной точности, систематичности, разведения разных сфер общественной жизни, осознания границ разных используемых методов и концепций. Книга не свободна от противоречий, на одно из которых указывает уже упомянутый Дмитрий Буянов: в главе о западном, позднем капитализме превращение его в рентно-сословное общество объясняется переразвитостью экономики, переходом ее на постиндустриальный этап, в главе о России рентно-сословный ее характер объясняется уже периферийностью, недоразвитостью экономики. Может быть, речь идет о сословных обществах разного типа? Тогда нужно это оговаривать. Кстати, создатели концепции раздаточного и сословного общества считают Россию наиболее ярким его воплощением, и поэтому странно, что России посвящена лишь одна глава.

Вместе с тем, как уже говорилось, книга, конечно, интересна, актуальна, она будит мысль и заставляет спорить, поэтому, без сомнений, она достойна того, чтобы занять свое место в библиотеке современного российского социолога, философа и экономиста.

Список источников

- Бессонова О.Э. (2006) Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН.
- Буянов Д. (2020) Народ России – лишние люди в мировой экономике? // Regnum. 15 апреля 2020 // <https://regnum.ru/news/2917476.html>, дата обращения 20.10.2022.
- Каспэ С. (2019) Из тени в свет // Россия в глобальной политике. № 5 // <https://globalaffairs.ru/articles/iz-teni-v-svet/>, дата обращения 20.10.2022.
- Кордонский С.Г. (2008) Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение».
- Фишман Л.Г., Мартыанов В.С., Давыдов Д.А (2019) Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии. М.: ВШЭ.

Can Rent Become a Universal Phenomenon?

Book review: Fishman L.G., Martyanov V.S., Davydov D.A. (2019) Rental Society. In the Shadow of Labor, Capital and Democracy, Moscow: HSE (in Russian).

R.R. VAKHITOV*

***Rustem R. Vakhitov** – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology; Department of Philosophy, History and Social Engineering, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russian Federation, Rust_R_Vahitov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9161-0899>

Citation: Vakhitov R.R. (2023) Can Rent Become a Universal Phenomenon? *Mir Rossii*, vol. 32, no 1, pp. 182–188 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-182-188

The article was received in October 2022.

Abstract

This article reviews the new monograph by L. Fishman, V. Martyanov and D. Davydov “Rent Society. In the Shadow of Labor, Capital and Democracy”. The book’s authors analyze the estate-rent society using the concepts of Bessonova (the economy of distribution) and of Kordonsky (the theory of the resource state and the estate society). However, unlike the former, Fishman, Martyanov and Davydov believe that estate rent, estates, and distribution exist in a capitalist society as well. They also deny the appropriateness of the metaphors of “market” and “liberal society”. They describe the rents of early and late capitalism and claim the victory of the rent-based society today (both in the core states of world capitalism and in its semi-periphery, e.g., Russia). The review critically evaluates the phenomenon of rent as an all-encompassing one and defends the heuristic of the contrasting models of market and distribution societies.

Keywords: *rent society, market, classes, democracy, labor, capitalism, labor societies, rent society, estates, rent, political economy*

References

- Bessonova O.E. (2006) *Distribution Economy of Russia: Evolution through Transformations*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Buyanov D. (2020) Are the People of Russia Superfluous People in the Global Economy? *Regnum*, April 15, 2020. Available at: <https://regnum.ru/news/2917476.html>, accessed 20.10.2022 (in Russian).
- Fishman L.G., Martyanov V.S., Davydov D.A. (2019) *Rental Society. In the Shadow of Labor, Capital and Democracy*, Moscow: HSE (in Russian).
- Kaspe S. (2019) From Shadow to Light. *Russia in Global Affairs*, no 5. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/iz-teni-v-svet/>, accessed 20.10.2022 (in Russian).
- Kordonskij S.G. (2008) *Estate Structure of post-Soviet Russia*, Moscow: Obshchestvennoe mnenie (in Russian).